ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал

2016
XXV

ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК

1352

EXPRESS-ISSUE

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Издаётся с 1992 года
Том XXV
Экспресс-выпуск • Express-issue

2016 № 1352

СОДЕРЖАНИЕ

3957-3973 К орнитофауне Хэнтэй-Чикойского нагорья, южное Забайкалье. А.А.НАЗАРЕНКО

3973-3974 Краснозобая казарка *Rufibrenta ruficollis* в Северном Причерноморье. Т.Б.АРДАМАЦКАЯ

3975-3978 Восточный воронок *Delichon dasypus* (Bonaparte, 1850) в фауне СССР. Л.С.СТЕПАНЯН, А.А.ВАСИЛЬЧЕНКО

3978-3980 О гнездовании чёрного журавля *Grus monacha* в Буреинском заповеднике. М.Ф.БИСЕРОВ, П.С.ЗАХАРЧЕНКО

3980-3982 Биология размножения серого журавля *Grus grus* на Среднем Урале. Е.Н.СУВОРОВА, О.А.САФИНА

3982-3983 Серпоклюв *Ibidorhyncha struthersii* в верховьях Зеравшана. А.А.КУЗНЕЦОВ

3983-3985 Встреча сизоворонки *Coracias garrulus* у деревни Дубровы (Новоржевский район Псковской области) в 2016 году. Э.В.ГРИГОРЬЕВ, А.В.БАРДИН

3985-3990 О гнездовании балобана *Falco cherrug* на горе Донгалы в рекреационной зоне Дубыгалинского озера (Калбинское нагорье). Н.Н.БЕРЕЗОВИКОВ

Редактор и издатель А.В.Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Биолого-почвенный факультет
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

© Русский орнитологический журнал, 2016
Дата опубликования: 10 октября 2016

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Published from 1992
Volume XXV
Express-issue

2016 № 1352

CONTENTS

3957-3973 To avifauna of Khentei-Chikoy highlands, southern Transbaikalia. A.A.NAZARENKO

3973-3974 The red-breasted goose *Rufibrenta ruficollis* in the the Northern Pontic. T.B.ARDAMATSKAYA

3975-3978 The Asian house martin *Delichon dasypus* (Bonaparte, 1850) in the fauna of the USSR. L.S.STEPANYAN, A.A.VASILCHENKO

3978-3980 Nesting of the hooded crane *Grus monacha* in the Bureinsky Nature Reserve. M.F.BISEROV, P.S.ZAKHARCHENKO

3980-3982 Breeding Biology of the common crane *Grus grus* in the Middle Urals. E.N.SUVOROVA, O.A.SAFINA

3982-3983 The ibisbill *Ibidorhyncha struthersii* the upper reaches of Zeravshan. A.A.KUZNETSOV

3983-3985 The record of the European roller *Coracias garrulus* near the village Dubrovy (Novorzhev Raion, Pskov Oblast) in 2016. E.V.GRIGORIEV, A.V.BARDIN

3985-3990 About breeding of the saker *Falco cherrug* on Mount Dongaly in the recreational area of Lake Dubygalinskoe (Kalba Highlands). N.N.BEREZOVIKOV

A.V.Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St. Petersburg University
St. Petersburg 199034 Russia

© The Russian Journal of Ornithology, 2016

ISSN 0869-4362
Русский орнитологический журнал 2016, Том 25, Экспресс-выпуск ***1352****: 3957-3973*

К орнитофауне Хэнтэй-Чикойского нагорья, южное Забайкалье

А.А.Назаренко

*Второе издание. Первая публикация в 1978**

В плане выполнения исследований по выяснению истории формирования орнитофауны высокогорий юга Дальнего Востока и Сибири летом 1976 года нами была предпринята экспедиционная поездка в Южное Забайкалье. Цель поездки – получение сравнительных материалов по видовому составу и систематике птиц высокогорных ландшафтов данного района и Сихотэ-Алиня. Благодаря содействию А.С. Бабкина и Д.И.Котенева (Читинское территориальное геологическое управление) мы получили возможность провести фаунистическое обследование труднодоступной и практически неизученной горно-таёжной полосы Хэнтэй-Чикойского нагорья близ границы с Монголией.

Полевые работы проводились в окрестностях районного центра села Кыра (9-11 июня и 9-10 июля), посёлка Бальджикан (12-13 июня и 7-9 июля) и главным образом в бассейне верхнего течения реки Бальджи и в высокогорьях Кумыльского гольца (около 2340 м н.у.м. – междуречье Чикоя и речек бассейна Балдж-Гол). Непосредственно в высокогорьях мы провели десять дней – с 14 по 24 июня.

Местность в окрестностях Кыры представляет собой низкогорную сухую лесостепь монгольского типа. Ландшафт в районе Бальджикана и в особенности в бассейне реки Бальджи совсем иной. Это глубоко рассечённое плато с высотами до 1900-2000 м н.у.м., при уровне речных долин от 1400 м и выше. Долины рек, шлейфы и склоны до 1000-1700 м заняты лиственничными лесами. Выше их постепенно сменяют кедровники, формируя на высоте около 1900 м н.у.м. (на склонах южной экспозиции) верхнюю границу леса. Впрочем, лиственница по верхней границе леса присутствует повсеместно. В противоположность бассейну Чикоя и Сохондинскому заповеднику (Сипливинский 1975), в лесах обследованного района полностью отсутствуют ель и пихта.

Для высокогорного ландшафта Кумыльского гольца характерны обширные плоские горизонтальные поверхности, образующие серию разновысотных террас. Собственно вершина гольца также представляет собой плосковерхий ступенчатый купол. Каменистые осыпи, курумы (каменные развалы) и скальные обнажения на гольце развиты ограниченно. Но каменные полигоны распространены довольно широко. В

* Назаренко А.А. 1978. К орнитофауне Хэнтэй-Чикойского нагорья, южное Забайкалье // *Экология и зоогеография некоторых позвоночных суши Дальнего Востока*. Владивосток: 40-56.

противоположность более высоким гольцовым массивам этого района, Сохондо и Барун-Шибертуй, на Кумыльском гольце совершенно отсутствуют альпинотипные формы рельефа и, в частности, каровые цирки. Это, по-видимому, явилось причиной того, что ряд характерных высокогорных птиц здесь обнаружить не удалось.

Кедровый стланик образует сильно фрагментированные заросли, высотные пределы которых значительно варьируют в зависимости от крутизны и в особенности экспозиции склонов. Сравнительно обширные участки зарослей приурочены только к южным склонам. Выше по рельефу стланик существует только в ветровой тени вдоль уступов гольцовых террас. Заросли здесь имеют характерную линейно вытянутую форму. С высоты 2000 м н.у.м. почти повсеместно начинают господствовать лишайниковые и каменисто-лишайниковые тундры.

Обследованный таёжный район в прошлом имел постоянное и довольно значительное население, и признаки былого сильного воздействия человека на местный ландшафт ещё видны повсеместно. Леса, в особенности кедровые, сильно расстроены пожарами. Пострадали от пожаров и заросли кедрового стланика. Обращённые к речным долинам крутые южные склоны обезлесены и придают характерный «монгольский» облик ландшафту. В долинах речек повсюду воронки старых заваливших шурфов, местами галечниковые отвалы, заросшие либо зарастающие лиственницей и кустарниковой берёзой. Не только луга, но, видимо, и обширные массивы ерниковых зарослей, широко распространённые в верховьях речек, вторичны. Впрочем, в настоящее время повсеместно можно наблюдать процессы восстановительных смен. Всё это не могло не сказаться из характере местной фауны. Ряд видов: белая трясогузка, черноголовый чекам, сибирский жулан, белошапочная овсянка, дубровник, обыкновенная чечевица и некоторые другие – выявились здесь уже после освоения местности человеком. Другие, обитающие в древесно-кустарниковых зарослях, значительно изменили свою дисперсность, проникнув далеко вверх по речным долинам.

В процессе работы полнее были обследованы высокогорья и лиственничные леса склонов и долин, менее полно – кедровые леса и полоса верхней границы леса. Экскурсии в степи и лесостепи носили кратковременный и рекогносцировочный характер. Сосновые леса и широкие долины таёжных рек, где господствуют уже открытые места, совершенно не посещались.

Ниже приводится перечень тех видов птиц, для которых получены новые сведения о распространении либо данные, уточняющие и дополняющие сведения, уже имеющиеся в литературе для смежных районов Забайкалья и Монголии (Козлова 1930; Леонтьев. Павлов 1963; Измайлов, Боровицкая 1073; Богородский 1976; Линдеман 1976; Piechocki, Bolod 1972; и др.).

Рогатый жаворонок *Eremophila alpestris* subsp.? Об обитании этого вида в местных высокогорьях сообщили А.Н.Леонтьев и Е.И. Павлов (1963). По нашим наблюдениям, первые жаворонки появляются на обширных тундроподобных обеслесенных поверхностях плато (с высоты около 1900 м н.у.м.) ещё на порядочном удалении от гольцовых вершин. На гольцах эти птицы населяют все типы тундр, отдавая предпочтение слабонаклонным и горизонтальным участкам. Обычны. Очень осторожны.

Поскольку рогатых жаворонков из Забайкалья принято относить к форме *brandti*, интересно отметить некоторые биологические и морфологические особенности местной высокогорной популяции.

Песня у местных птиц удивительно громкая, мощная. Собравшись петь, самцы набирают высоту прямо по вертикали, подобно обыкновенному жаворонку *Alauda arvensis*. Этому, возможно, способствуют постоянные и очень сильные ветры. Птицы поднимаются очень высоко, до 300-400 м и выше, так что их почти не видно простым глазом. Иногда они запевают сразу, набрав нужную высоту, иногда довольно долго молча трепещут в вышине и только затем начинают петь (ср. Корелов 1970). Поют птицы и сидя, но эта песня совсем иная, она напоминает песню ошейниковой овсянки *Emberiza fucata*. Тревожный позыв – громкий, мелодичный и несколько печальный свист. Это первый звук, который слышишь, поднявшись в горную тундру.

Чёрные усы и пятно на груди у местных птиц очень крупные. Белый «зазор» между усами и грудным пятном находится в пределах 2-4 мм. Окраска верха более насыщена, чем у типичных *brandti*. Безусловно, птицы из забайкальских высокогорий не *brandti*. К сожалению, необходимым сравнительным материалом из степных районов Забайкалья мы не располагали. В сухой степи у Кыры рогатые жаворонки вообще не были встречены.

Первая пара птиц, собиравшая корм, была замечена 20 июня. Однако самка от 22 июня только приступила к откладке яиц: один фолликул оказался лопнувшим, в яйцеводе – полностью сформировавшееся, но ещё без известковой скорлупы яйцо, диаметр следующего самого крупного фолликула – 6.0 мм.

Болотная гаичка *Poecile palustris*. Обычна, но численность сравнительно с пухляком *Poecile montanus* невелика. Приурочена к долинным тополево-лиственничным и берёзово-лиственничным лесам, а также к придолинным участкам чистых лиственничников. В пределах своего местообитания в данном районе везде живёт бок о бок с пухляком. Безусловно, но зная позывок и песни этого вида, его легко пропустить, отнеся увиденных птиц к пухляку.

Сибирская гаичка *Poecile cincta sayana* Sushkin, 1904. Пара птиц добыта 29 июня в верховьях Бальджи в сомкнутом кедровнике на вы-

соте около 1700 м н.у.м. Это единственная встреча с данным видом за всё время работы в районе. Птицы держались рядом, даже кормились на одной ветке. Судя по состоянию гонад (у самки к тому же наседное пятно начало покрываться перьями), у птиц были, видимо, птенцы на вылете. Добитые экземпляры – типичнейшие *sayana*. Это крупные и крупноклювые птицы, что сразу заметно при сравнении их с птицами Кольского полуострова, Средней Сибири и Магаданской области (соответственно *lapponica*, *cincta* и *kolymensis)*. Их размеры, мм: крыло 70.0 и 71.0; хвост 71.0 и 69.0; клюв (от границы оперения) 11.6 и 11.2; высота клюва (на уровне переднего края ноздри) – 4.4 и 4.2 у самца и самки соответственно. Бока рыжие, более насыщенного оттенка, чем даже у экземпляров с Кольского полуострова. Шапочка не коричневатая (как у *lapponica* и *cincta)*, а буровато-серая (как у птиц из восточной части ареала). Спина с чётким рыжим оттенком.

Для Южного Забайкалья сибирская, или сероголовая гаичка впервые указывается Т.Н.Гагиной (1961) по зимнему экземпляру, добытому в 1956 году на верхнем Чикое. Птица была отнесена к номинальной форме (без какого-либо обсуждения). Второй экземпляр из этого же района был добыт 17 октября 1962 (Богородский 1976). Гнездование этого вида в Хэнтэе доказано А.Болодом (Piechocki, Bolod 1972). К сожалению, в тексте этой работы упомянут лишь один экземпляр из Хэнтэя от 24 апреля с крылом 70.0 мм, причём авторы относят его к номинальной форме. Подвидовая принадлежность добытых мною птиц и некоторые зоогеографические соображения заставляют считать, что в Хэнтэй-Чикойском нагорье должна обитать та же форма, что и в Хангае и Саянах. Поэтому правильность отнесения летних птиц из Хэнтэя к номинальной форме вызывает сомнение. Равно желательно переопределение и птиц, добытых осенью и зимой.

Мухоловка-касатка *Muscicapa sibirica sibirica* J.F.Gmelin, 1789. Обычна, населяет долинные и придолинные лиственничные и лиственнично-кедровые леса и приручейные кедровники. В последнем случае по закрытым от холодных северных ветров долинам ключей проникает высоко па склоны (но не до верхней границы леса). Известная нарушенность лесов для этого вида, несомненно, благоприятна. Птицы отдают предпочтение участкам, где среди берёзово-лиственничного молодняка возвышаются рыхлые куртины высоких старых лиственниц, или местам, где высокоствольные насаждения чередуются с небольшими полянами, просветами у дорог и т.п.

Интенсивность пигментации и густота пятен на груди у птиц подвержены довольно значительному индивидуальному варьированию, что заметно даже при рассматривании птиц в бинокль. Случается встречать и очень тёмных особей, пятна на груди у которых совершенно сливаются. Подобная птица наблюдалась 29 июня. Любопытно, что

её брачный партнёр обладал нормальной, средней окраской. Вопрос об индивидуальной изменчивости мухоловок-касаток из Монголии обсуждался Е.В.Козловой (1930). Поэтому совершенно неправильно относить птиц из Хэнтэя к форме *opaca*, как это сделали Р.Пьехоцкий и А.Болод (1972).

Обыкновенная горихвостка *Phoenicurus phoenicurus*. Найдена в качестве довольно обычного вида у Бальджикана и по среднему течению реки Бзльджи. Здесь птицы населяют вторичные парковые берёзовые и лиственнично-берёзовые леса речных долин и прилежащих пологих склонов. Отмечались и в сильно нарушенных приречных тополево-лиственничных насаждениях.

У Бальджикана 13 июня беспокоящийся самец выдал место гнезда – старое дупло малого пёстрого дятла *Dendrocopos minor* в трухлявом берёзовом пне на высоте 2.5 м (не было осмотрено). При повторном посещении этого же места 9 июля птицы вновь были встречены. Судя по их поведению, птенцы уже оставили гнездо. Примерно в 300 м от этого места была встречена ещё одна пара горихвосток, самка была с кормом.

Тревожная позывка этого вида сходна с таковой сибирской горихвостки *Phoenicurus auroreus*, хотя звучит несколько ниже. В ней, правда, совершенно отсутствует один элемент – высокий (тонкий) свист. Песни этих видов, что было отмечено ещё Е.В.Козловой (1930), действительно хорошо различаются.

Указанное новое местонахождение расположено в 360 км к юго-востоку от ближайшего известного места обитания обыкновенной горихвостки в Забайкалье – района Гусиного озера (Измайлов, Боровицкая 1973). Распространение горихвостки в Северной Монголии, судя по данным Е.В.Козловой (1930, 1933) и Р.Пьехоцкого и А.Болода (1972), всё ещё выяснено неудовлетворительно. Очевидно, все августовские находки птиц должны относиться уже ко времени широких откочёвок вида, и определять по ним границы ареала рискованно.

Соловей-красношейка *Luscinia calliope*. Обычен в районе Бальджикан – бассейн реки Бальджи. Населяет древесно-кустарниковые и кустарниковые заросли речных долин. Вместе с ерниковыми зарослями проникает вплоть до истоков речек. Затем, после некоторого перерыва (ныне, видимо, значительно сокращённого), появляется уже у верхней границы леса и выше – в зарослях кедрового стланика. Здесь птицы столь же обычны, что и в речных долинах и в зарослях стланика в высокогорьях Сихотэ-Алиня (Назаренко 1971).

Интересно указать на некоторые отличия между птицами данного района и Сихотэ-Алиня (без каких-либо таксономических следствий). У забайкальских красношеек горло не кроваво-красное с малиновым оттенком, как у птиц из Сихотэ-Алиня, а красное, с явным оранжевым

оттенком. Верх у местных птиц менее тёмный, с более чётким оливковым оттенком. Песни у двух этих популяций также в небольшой степени различаются.

Синий соловей *Larvivora cyane*. Обычный, но сравнительно немногочисленный вид района Бальджикан – бассейн реки Бальджи. Птицы населяют долинные и придолинные лиственничники с густым подлеском из даурского рододендрона, а также, в меньшей степени, тополево-лиственничные леса – участки, где черёмуха образует густые заросли. Все эти леса несколько расстроены старыми пожарами и рубками, поэтому в них довольно значительная примесь берёзы и местами осины; пышно разросся подлесок. Судя по встречам, синие соловьи приурочены к наиболее низким гипсометрическим уровням для данного района и выше 1600 м н.у.м. не поднимаются. Так, не встречены они в лиственнично-кедровых долинных лесах, которые местами сохранились в истоках Бальджи. Не поднимаются они и высоко на склоны, и участки приручейных кедровников с хорошо развитым кустарниковым ярусом остаются незаселёнными (хотя физиономически выглядят так, что непременно были бы заселены, будь они на Дальнем Востоке!). Всё это приводит нас к заключению, что синий соловей появился в Южном Забайкалье сравнительно недавно, возможно, уже после освоения человеком этого района, и ещё не освоил все наличные местообитания Этот вид довольно энергично расселяется в Западной Сибири, причём известная расстроенность лесов, по-видимому, благоприятствует этому. Очевидно, подобная же картина наблюдается и в данном районе.

В настоящее время, судя по данным Пьехоцкого и Болода (1972), в Юго-Западном Хэнтэе наблюдается пролёт синего соловья. Наблюдались пролётные птицы и южнее, в восточной части Гобийского Алтая. Между тем, Е.В.Козлова (1930) за два летних сезона (1924-1925), проведённых в Юго-Западном Хэнтэе, вообще не отметила этот вид. А надо иметь в виду, что самцы синего соловья поют уже на пролёте и пропустить их громкую и оригинальную песню довольно трудно. Видимо, это можно расценить как свидетельство общего возрастания численности населения вида на протяжении последних сорока лет.

В окрестностях Бальджикана 9 июля я встретил синих соловьёв в тех же местах, что и 13 июня. Любопытно, что на одном из гнездовых участков беспокоящаяся самка (с кормом) свою тревожную позывку чередовала с отдельными трелями видовой песни. Самец находился здесь же, но, в противоположность самке, держался не в подлеске, а в густых кронах осин.

Синехвостка *Tarsiger cyanurus*. Обычный, но сравнительно немногочисленный гнездящийся вид. Населяет лиственничники и кедровники в пределах всех высотных уровней существования этих лесов в данном районе: от 1400 м до их верхней границы. В противоположность

югу Дальнего Востока (Назаренко 1971), здесь не наблюдается нарастания плотности популяции синехвостки по мере приближения к верхней границе леса. Птицы рассеянно и более или менее равномерно встречаются повсеместно. В целом плотность популяции синехвостки в Южном Забайкалье заметно более низкая, чем в пихтово-еловых лесах Сихотэ-Алиня. Любопытно, что сихотэ-алинский аналог синехвостки в отношении характера связей с лесами – зелёная пеночка *Phylloscopus trochiloides plumbeitarsus* (Назаренко 1971) – в обследованном районе также широко и повсеместно населяет и лиственничные леса, и кедровники, с той лишь разницей, что совершенно не выходит на верхнюю границу леса.

Пёстрый дрозд *Zoothera varia* (Pallas, 1811) [*Oreocincla dauma* Latham, 1790]. Постоянно отмечался по пению в ранние утренние часы во время работы в бассейне среднего течения Бальджи с 25 июня по 5 июля. Судя по пению, птицы держались в лиственничных лесах на крутых южных склонах плато метров на 150-200 над уровнем речной долины. Всегда это были участки леса в верховьях небольших ключей. Обитают ли дрозды в кедровниках, установить не удалось. В кедрово-лиственничных лесах в истоках Бальджи пёстрых дроздов не случалось ни слышать, ни наблюдать.

Оливковый дрозд *Turdus obscurus*. Обычный гнездящийся вид нижней полосы лиственничных лесов района. Птицы явно отдают предпочтение долинным и придолинным насаждениям. В лиственнично-кедровых лесах в истоках Бальджи па высотах от 1700 м н.у.м. и выше не наблюдались. Довольно хорошо поют на зорях вплоть до конца первой недели июля. Песня заметно отличается от таковой бледного дрозда *Turdus pallidus*. Слётки отмечены 7 июля. В отличие от краснозобого дрозда *Turdus ruficollis* взрослые оливковые дрозды ведут себя при птенцах очень осторожно: хотя и летают вокруг, но не ближе 20 м и всегда присаживаются среди густых ветвей.

Пеночка-таловка *Phylloscopus borealis*. Одна из наиболее обычных пеночек района, населяющая практически весь лесной пояс от 1400 м над уровнем моря до его верхней границы. В настоящее время птицы обитают и в долинах рек, и на склонах, в лесах разного породного и возрастного состава. Однако судя по тому, что птицы не живут в массивах сомкнутых и высокоствольных кедровников, в ненарушенном ландшафте данного района распространение таловки не было столь повсеместным, как в настоящее время. Безусловно, известная расстроенность лесов очень благоприятна для этого вида. На верхней границе леса таловки населяют кедровые и лиственничные редколесья с кедровым стлаником и ерником, но выше, в чистые заросли стланика, не проникают совершенно. Знакомство с таловками популяций Сихотэ-Алиня и Забайкалья обнаруживает, что у самцов этих популя-

ций существует два достаточно отличающихся варианта видовой песни (воспроизводятся одними и теми же особями). Первый вариант – это торопливая однообразная трель, нечто вроде *«че, че, че, че»*. (Именно этот вариант представлен в грампластинке «Голосов птиц в природе», четвертая серия). В песне второго варианта всегда присутствует звук, близкий по звучанию к *«р»*. Звуки песни как бы двусложны, воспроизводится она в менее быстром темпе, причём сила звучания заметно нарастает от начала песни к её середине. Первый вариант абсолютно преобладает у самцов забайкальской популяции, а также свойствен птицам средней Сибири и Якутии (Воробьёв 1963), в то время как второй вариант случается слышать здесь нечасто. В Сихотэ-Алине картина полностью противоположная: здесь доминирует второй вариант, а первый очень редок.

Корольковая пеночка *Phylloscopus proregulus*. В гнездовое время населяет почти весь пояс лесов с максимумом плотности в кедровниках. Однако близ их верхней границы (1700-1800 м н.у.м.) численность населения корольковой пеночки резко снижается, и на верхнюю границу леса этот вид совершенно не выходит. В лесах из лиственницы птицы явно отдают предпочтение слегка расстроенным насаждениям: опушкам с куртинами высоких деревьев у обширных луговых полян на крутых южных склонах, участкам с разновысотными деревьями в окружении берёзовых молодняков и древесно-кустарниковых зарослей – на шлейфах склонов и в долинах рек. В подобной обстановке эти птицы вполне обычны. И, наоборот, в хорошо сохранившихся одновозрастных насаждениях лиственницы корольковых пеночек нет. Однако в высокоствольных кедровниках на высотных уровнях 1500-1700 м н.у.м. корольковая пеночка, видимо, находит наиболее оптимальные условия: плотность её здесь приближается к таковой в хвойно-широколиственных лесах Приморья.

Песня забайкальских корольковых пеночек несколько отличается от песни пеночек из Сихотэ-Алиня.

Тусклая зарничка *Phylloscopus inornatus humei* (W.E.Brooks, 1878). 15 июня в сильно расстроенном долинном лиственничнике у южного подножия Кумыльского гольца (1600 м н.у.м.) я слышал песню, которую затруднялся отождествить с каким-либо известным мне видом местной фауны. Песня – короткая, слегка жужжащая трель, нечто вроде *«ззиии»*, причём высота звучания непрерывно и значительно снижается от начала трели к её концу. Песню издавала мелкая пеночка, внешне (в бинокль) не отличимая от зарнички (которых в данном районе в долинных лиственничниках обитало великое множество, и песня которых не имела ничего общего с посней этой птицы). Птица абонировала куртину невысоких лиственниц, вытянутую вдоль берега горной речки в окружении ерниковых зарослей – участок примерно 80×40 м. Она

непрерывно его патрулировала, перемещаясь в среднем ярусе лиственниц, и почти непрерывно повторяла свою песню. Лишь однажды был зафиксирован краткий агрессивный контакт с птицей такого же облика (по соседству здесь повсюду обитали зарнички).

Это оказался очень мелкий экземпляр зарнички (крыло 54 мм, хвост 39 мм) с умеренно развитыми семенниками: правый 3.0×2.5, левый – 4.0×2.5 мм. Птица имела сильно обношенное и выцветшее оперение. Верх светлый зеленовато-серый, остатки одной крыловой полосы. Формула крыла несколько отличалась на разных крыльях: у правого крыла 2-е маховое было равно 7-му, у левого оно находилось между 7-м и 8-м. По совокупности этих признаков и по характеру песни я отнёс этот экземпляр к форме *humei* (хотя, строго говоря, оливковый оттенок в окраске оперения совершенно отсутствовал и верх не отличался от такового сильно выгоревших птиц номинальной формы из средней Сибири). Подобной песни в данном районе больше не случалось слышать, так что приходится признать этот экземпляр залётным.

Бурая пеночка *Oreopneuste fuscata fuscata* (Blyth, 1842). Многочисленный обитатель приречных кустарниковых зарослей и ерниковых массивов в долинах горных речек – до высот 1600-1700 м н.у.м. Ещё выше в горах птицы появляются в зарослях кедрового стланика, но плотность населения здесь, сравнительно с прилежащими долинами и зарослями того же стланика в высокогорьях Сихотэ-Алиня (Назаренко 1971), ничтожна. Причина этого неясна. Не исключено, что известную роль играет суровый климат местных высокогорий. Хотя здесь отсутствует бич дальневосточных высокогорий – туманы, погода в июне очень холодная и ветреная. За время моего пребывания на Кумыльском гольце вершину дважды засыпало снегом, почти всё время дул очень сильный и холодный северо-западный ветер, так что временами на открытых склонах просто невозможно было работать, а заморозки случались каждую ночь. Ничего подобного нет в высокогорьях Сихотэ-Алиня. Однако, как указывалось выше, соловей-красношейка равно многочислен и в речных долинах у подножия гольца, и в зарослях кедрового стланика.

Птицы из Южного Забайкалья по окраске ничем не отличаются от птиц из высокогорий Сихотэ-Алиня.

Сибирская пестрогрудка *Tribura tacsanowskia*. Найдена на гнездовье в среднем течении реки Бальджи, где в пределах своего местообитания вполне обычна. Местообитание сибирской пестрогрудки в данном районе очень специфично. Это крутые, подчас очень крутые южные склоны – либо полностью обезлесенные, либо с рассеянно стоящими небольшими группами или отдельными деревьями лиственницы, всегда с выходами коренных пород, покрытые мезофильным разнотравьем (много кипрея) и невысокими, не более 1 м, но очень густы-

ми куртинистыми зарослями спиреи, курильского чая (кустарниковой лапчатки) и карликовой берёзки. В этих зарослях и обитают птицы, и здесь они многочисленны: можно слышать пение до трёх самцов одновременно. Площадь подобных горных кустарниковых лугов не превышает несколько десятков гектаров (ниже по течению она увеличивается), и занимают они склоны почти от уровня долины до 200-300 м. Так как в Южном Забайкалье повсеместно развиты обезлесенные склоны, общая численность населения сибирской пестрогрудкн в данном районе должна быть значительной.

Эти склоны регулярно выжигаются (для привлечения копытных), и кустарниковые заросли гибнут. В таком случае птицы поселяются в сохранившихся зарослях в черте опушек (эти луга окружены лиственничным лесом) или среди редкостойных куртин лиственниц. Этот элемент местного ландшафта, безусловно, создан человеком, и важно было бы знать, где обитала пестрогрудка в ненарушенном ландшафте. В других экологических условиях в обследованном районе птицы не найдены: ни среди древесно-кустарниковой растительности поймы (которая тоже вторична), ни под пологом лиственничных лесов.

В период наблюдений – в последних числах июня – пестрогрудки довольно энергично пели в ранние утренние часы. Весьма своеобразная песня этого вида – сухо звучащая жужжащая трель – ныне записана на грампластинки И.А.Нейфельдт и Р.Л.Наумовым, и потому нет необходимости её детально описывать. Помимо песни можно слышать резкие отрывистые звуки. Скорее всего, это позывка, свидетельствующая о возбуждённом состоянии особи (тревога, агрессия). Я был свидетелем того, как три птицы, собравшись вместе, непрерывно издавали эти резкие звуки. Реагируют этими звуками птицы и на человека. Иногда потревоженный самец может 2-4 раза закончить песенную трель подобным звуком, а затем продолжать петь без него.

Поющая птица сидит на вершине кустика или на самых нижних ветках лиственниц; слегка потревоженная, она спускается в глубину куста и, немного помолчав, продолжает петь. Впрочем, часто птицы незаметно, по земле, перемещаются метров на 20-30 и неожиданно начинают петь где- либо сбоку или позади наблюдателя. На человека птицы прежде всего реагируют песней: подходишь к поляне – на ней ни звука, стоит немного пройти, как то тут, то там раздаётся жужжание. Иногда птицы спасаются не бегством, а перелетают метров на 30-40. Полёт у них, по сравнению с камышевками и сверчками, неожиданно сильный и стремительный.

У добытых 28 июня 3 самцов сибирской пестрогрудки семенники были почти одинакового размера: правый 7.0×5.0, левый – 9.0× 5.0 мм. Хорошо развиты бугорки извитых канальцев у клоачного отверстия. Очевидно, птицы находились в активной репродуктивной фазе. Любо-

пытно, что хвостовые перья у них были очень сильно обношены.

Славка-завирушка *Sylvia curruca*. Обычна в районе Бальджикан – бассейн реки Бальджи. Повсеместно населяет разнообразные древесно-кустарниковые и кустарниковые заросли речных долин. Вместе с ерниковыми ивовыми и берёзовыми зарослями по лиственничным рединам проникает не только в истоки речек, но и поднимается вплоть до верхней границы леса. В последнем случае птицы могут жить и в зарослях кедрового стланика среди лиственнично-кедровых редколесий, причём часто уже на очень крутых склонах. В такой обстановке 21 июня на высоте около 1900 м н.у.м. наблюдался и был добыт энергично певший самец. Птица имела хорошо развитые наседные пятна. Семенники имели следующие размеры: левый 10.0×5.0, правый – 9.0 ×5.0 мм. Метров на 100 ниже, у моего лагеря постоянно держалась и пела птица. Поскольку эта славка игнорирует любые сомкнутые долинные леса, современная картина распространения популяции в данном районе вторична. И действительно, в бассейне верхней Бальджи преобладают старые гари и редины на разных стадиях восстановления леса. И у верхней границы на южных склонах Кумыльского гольца лес в настоящее время представлен преимущественно молодыми (25-30 лет) редкостойными насаждениями лиственницы и кедра.

Альпийская завирушка *Laiscopus collaris erythropygia* (Swinhoe, 1870). На обследованном гольце обычна, но численность её в связи с ограниченным распространением подходящих местообитаний невелика. Птицы, одиночно или в парах, отмечались почти на каждой экскурсии. Они держались либо на каменных осыпях, либо на небольших останцовых каменных развалах среди горной тундры, либо, наконец, их случалось видеть летящими, причём подчас на значительной высоте. Всегда они были очень подвижны и долго не задерживались на одном месте. Вероятно, на обследованной части Кумыльского гольца завирушки гнездились лишь в одном месте – на небольшом скальном массиве в ущелье одного из притоков реки Бальджи – речки Борун-Салон. Здесь они держались постоянно и пели. Эти скалы располагаются ещё в черте верхней границы леса (около 1800 м н.у.м.) так что птицам приходилось круто подниматься вверх, чтобы попасть на ближайшие осыпи. Впрочем, часто они направлялись к осыпям, расположенными за 1.5-2 км.

Экземпляры. Самка от 21 июня, добытая на упомянутом скальном массиве. Яичник гроздевиден, диаметр наибольшего фолликула 3.5 мм; диаметр 3 других – 2.0 мм. Наседное пятно на начальной стадии формирования: голая кожа, ещё не начавшая утолщаться. Птица издавала столь разнообразные и мелодичные трели, что первоначально была принята за самца. Самец от 23 июня, добытый из пары на очень крутой осыпи. Семенники: правый 18.0×8.0, левый – 20.0×10.0 мм. Очень

хорошо развиты бугорки извитых канальцев у анального отверстия. Птица в активной репродуктивной фазе.

Приведённые наблюдения и экземпляры – первые достоверные данные о гнездовании альпийской завирушки в высокогорьях Хэнтэй-Чикойского нагорья.

Горный конёк *Anthus spinoletta blakistoni* Swinhoe, 1863. **Гольцовый конёк** *Anthus rubescens japonicus* (Temminck et Schlegel, 1847). В высокогорьях Кумыльского гольца обнаружены на гнездовье обе формы коньков, причём первая вполне обычна, а вторая малочисленна. Как оказалось, эти формы (помимо резкого различия в окраске оперения и заметного различия в размерах) обнаружили вполне чёткие различия в отношении характера предпочитаемых местообитаний. Горные коньки населяют лишайниковые тундры, где каменистый субстрат либо отсутствует, либо развит умеренно. Населяют эти птицы и сырые участки, где в напочвенном покрове господствуют не лишайники, а осоки. Гольцовые коньки наблюдались только на участках каменных полигонов (где их тёмное оперение отлично гармонировало с фоном, созданным каким-то чёрным накипным лишайником, сплошь покрывавшим камни). Кроме того, возникло впечатление, что у этих форм несколько не совпадают и сроки периодических явлений, причём у первой *(blakistoni)* они сдвинуты на более позднее время. Во время моего пребывания на гольце (14-24 июня) наблюдались только одиночные птицы второй формы, причём они уже не пели, но обнаруживали признаки беспокойства и подавали тревожную позывку. К концу этого срока птицы вообще перестали встречаться, однако 23 июня я нашёл гнездо (4 яйца), хозяева которого обладали пятнистой грудью. Птицы формы *blakistoni* держались парами, некоторые довольно хорошо пели (другие почти не пели, хотя наблюдались ежедневно), и лишь в конце срока пребывания на гольце случилось несколько раз слышать их тревожную позывку. Таким образом, в данном районе обе формы коньков живут по соседству, но не проявляют склонности к гибридизации (резкое различие в окраске оперения позволило легко определять птиц в природе; ни одной особи с промежуточным характером окраски не было встречено).

Эти формы горных коньков неоднократно привлекали внимание систематиков. Сравнительно недавно им посвятили небольшую статью Л.С.Степанян и О.К.Гусев (1962). Авторы на основании сравнительного рассмотрения характера окраски оперения и распространения высказали предположение о вероятной видовой самостоятельности двух этих форм. Позже О.К.Гусев (1965) привёл данные, свидетельствующие о сосуществовании этих форм по крайней мере в Хамар-Дабане. Все эти материалы позволяют более решительно высказаться в пользу видовой самостоятельности форм *blakistoni* и *japonicus*.

Видовое имя второй формы – *rubescens* – и объём этого таксона я принимаю по Ч.Вори (Vaurie 1959). В предлагаемом русском названии «гольцовый конёк» отражён факт преимущественной связи этого вида (на азиатском континенте) с высокогорным ландшафтом, который в физической географии выделяется в особый, гольцовый тип.

Экземпляры. Горный конёк. Самец и самка от 17 июня с крылом 91.0 и 83.0 мм соответственно. У самки на груди лёгкое «ожерелье» из светло-бурых пестрин в один ряд, у самца оно ещё более лёгкое и расположено на правой половине груди. Размеры семенников: правого 6.0 ×6.0, левого – 6.0×5.0 мм. Гольцовый конёк. Два самца от 17 июня с крылом 87.0 и 84.5 мм соответственно. Размеры семенников у первого экземпляра: правого 6.0×6.0, левого 8.5×5.0 мм; у второго (правый, левый) – 8.0×5.0 мм. Степень развития пятнистости (пятна темно-бурые, почти чёрные) на груди и боках у первого экземпляра соответствует изображению формы *japonicus* у Л.А.Портенко (1960). Пятнистость второго экземпляра ещё более значительна.

Серый скворец *Sturnus cineraceus*. В небольшом количестве отмечен у Кыры и Бальджикана. У Кыры 9-11 июня постоянно наблюдались одиночные птицы и группы до 4 особей. Скворцы держались на сухих низкотравных пастбищах у посёлка. Судя по направлению их перелётов, они совершенно игнорировали посёлок и гнездились, видимо, в дуплистых тополях, растущих в близлежащей речной пойме. У Бальджикана 7-9 июля неоднократно отмечались птицы с кормом, летящие с лугов в сторону лесов на прилежащих склонах. Этот посёлок они также игнорировали.

Это новое местонахождение отодвигает к юго-западу общую границу распространения вида по крайней мере на 350 км. Ближайшим районом достоверного гнездования серого скворца в Забайкалье является бассейн нижнего Онона (Гагина 1961).

Рыжая овсянка *Emberiza rutila*. На полуторачасовой экскурсии у Бальджикана 13 июня встречены энергично поющий самец и две пары рыжих овсянок. Все они держались рассеянно по массиву берёзово-лиственничного леса с подлеском из рододендрона. Сложилось впечатление, что птицы здесь уже на гнездовье. Тем не менее, 9 июля птицы не были встречены. Специальные поиски рыжей овсянки в бассейне среднего течения Бальджи в конце июня – начале июля также не дали результатов. Так что гнездование этого вида на крайнем юге Забайкалья остаётся пока недоказанным. Видимо, пролёт этих овсянок в данном районе может затягиваться до середины июня (Измайлов, Боровицкая 1973).

Седоголовая овсянка *Emberiza spodocephala*. Обычна среди древесно-кустарниковых пойменных зарослей повсюду от Кыры до верховьев реки Бальджи. Численность популяции вида в данном районе

заметно ниже, чем в Приморье. По долинам горных речек птицы поднимаются по крайней мере до 1600 м н.у.м., где живут в зарослях карликовой ивы в окружении сурового ландшафта горной лиственничной тайги, хотя, быть может, это проникновение в истоки речек вторично, так как там, где наблюдались птицы, долинные лиственничники были сильно нарушены старыми пожарами, рубками или горными работами.

Знакомого с поведением седоголовой овсянки на Дальнем Востоке удивляет крайняя осторожность и большая скрытность птиц. И поют они довольно вяло, что можно объяснить низкой плотностью популяции и всего одним выводком в лето.

Чиж *Spinus spinus*. Оказался вполне обычным видом в таёжной части обследованного района, особенно в бассейне реки Бальджи. Наблюдался практически во всем лесном поясе, однако у верхней границы леса очень малочислен. Обычно чижи придерживаются долин горных речек. В период наблюдений, в конце июня – начале июля, можно встретить одиночных птиц, пары и группы до 4 особей. Птицы были довольно подвижны (известно, что для некоторых вьюрковых характерны далёкие кормовые вылеты), однако там, где мне случалось находиться постоянно, можно было изо дня в день наблюдать поющих самцов также в одних и тех же местах, буквально на одном и том же дереве. Самец от 30 июня, добытый из группы в 4 особи (кормились на тополе), имел семенники следующих размеров: правый 4.0×3.0, левый 5.5×3.5 мм. Видимо, чижи приступают к гнездованию очень поздно, в июле.

Обыкновенная чечевица *Carpodacus erythrinus*. Один из самых многочисленных видов таёжной полосы обследованного района. Повсеместно населяет долины рек – разнообразные древесно-кустарниковые и кустарниковые заросли поймы и прилежащих склонов, поляны с кустарником или подростом среди лиственничных и берёзовых лесов и т.д. По ерниковым зарослям проникает в истоки таёжных речек, затем появляется у верхней границы леса и в зарослях кедрового стланика, где менее многочисленна, чем в долинах. Современное повсеместное обитание чечевицы и плотность её популяции вторичны и связаны со значительным изменением ландшафта. В местных высокогорьях чечевицы появляются очень поздно. Первая пара птиц, скрытно державшаяся в зарослях стланика, была замечена только 19 июня, а первая песня услышана лишь на следующий день. С 22 июня птицы стали уже довольно обычными. Пара чечевиц, проявлявшая явное беспокойство, добыта 22 июня в зарослях кедрового стланика на высоте 2000-2100 м н.у.м. У самца размеры левого семенника – 6.0×4.0 мм. Яичник у самки небольшой, 8.0×4.0 мм, слабогроздевидный, диаметр наибольшего фолликула около 1 мм. Наседное пятно лишь намечается. Очевидно, птицы только что заняли гнездовой участок.

Сибирская чечевица *Carpodacus roseus*. Пара птиц, из которой удалось добыть только самца, встречена в зарослях кедрового стланика у верхней границы леса 19 июня. Как оказалось, сибирские чечевицы кормились прошлогодними ягодами брусники (которая образует характерный ярус под пологом стланика). Семенники имели размеры 10.0×6.0 мм. Одиночная самка наблюдалась в кедровом редколесье у верхней границы леса 29 июня. Этим были исчерпаны встречи с данным видом. Видимо, сибирская чечевица малочисленна в Хэнтэй-Чикойском нагорье. Птицы очень скрытны, а собственно верхняя граница леса в данном районе была обследована очень неполно. В целом же это местонахождение устраняет один труднообъяснимый пробел в ареале сибирской чечевицы.

Щур *Pinicola enucleator*. Оказался вполне обычным на Кумыльском гольце – у верхней границы леса и в зарослях кедрового стланика. Птицы держались парами. 19 июня видел, как самец отгонял другого самца от своей самки. По утрам можно было слышать негромкую, простую, свистовую песню щуров. Пара птиц добыта 19 июня. Семенники у самца 7.0×5.0 мм. У самки развивающееся наседное пятно. Видимо, птицы только приступили к размножению.

Серый снегирь *Pyrrhula cineracea*. За всё время пребывания в таёжной полосе данного района (с 12 июня по 9 июля) отмечен всего четыре раза. Судя по этим встречам, серый снегирь занимает почти весь пояс лиственничных и кедровых лесов от речных долин до верхней границы леса. Самец от 29 июня был добыт в сомкнутом кедровнике уже недалеко от верхней границы леса. Семенники у этого экземпляра имели следующие размеры: правый 4.0×3.0, левый – 5.0×3.0 мм. Бугорки извитых канальцев у анального отверстия отсутствовали, не было и подъязычных мешков. Так что у этой птицы, видимо, ещё не было птенцов (или же она ещё не приступала к размножению).

В заключение целесообразно перечислить виды, которые либо указываются для данного района в литературе, либо не были мною встречены, либо теоретически здесь ожидаются, но не были найдены. Цель последнего – обратить внимание па их дальнейшие поиски.

Горный дупель *Gallinago solitaria*. Л.Н.Леонтьев и Е.И.Павлов (1963) сообщают о встречах с этим видом на склонах Эсутайского гольца – местность примерно в 70 км к северу от Кумыльского гольца.

Московка *Parus ater*. **Обыкновенная пищуха** *Certhia familiaris*. В прилежащих районах эти виды отмечались главным образом в пролётное время (Козлова 1930; Измайлов, Боровицкая 1973; Линдеман 1976; Piechocki, Bolod 1972; и др.).

Оляпка *Cinclus cinclus*. По Г.В.Линдеману (1976), это обычная гнездящаяся птица в бассейне реки Мензы (в 80 км к западу от нашего района). Но я не встретил этих птиц.

Краснобрюхая горихвостка *Phoenicurus erythrogaster*. Судя по встречам пролётных птиц в Хэнтэе (Козлова 1930; Piechocki, Bolod 1972) и в некоторых смежных районах, гнездование этого вида ожидается в гольцах нашего района. Но на Кумыльском гольце птицы не найдены.

Сибирский дрозд *Turdus sibiricus*. Г.В.Линдеман (1976) сообщает о добыче взрослого самца 20 мая в бассейне среднего Чикоя и слётка – 30 июля в среднем течении Мензы. Мне не случалось ни наблюдать этих птиц, ни слышать их песни (которая знакома мне очень хорошо). Для всего данного региона сибирский дрозд известен как пролётный, и дата добычи упомянутого выше взрослого экземпляра вполне вписывается в сроки пролёта: в Северной Монголии явно пролётные птицы добывались в течение первой декады июня (Козлова 1930; Piechocki, Bolod 1972). Г.В.Линдеман не сообщает, каким образом ему удалось определить видовую принадлежность слётка.

Сибирская завирушка *Prunella montanella*. Характер простирания ареала этого вида таков, что заставляет предполагать гнездование её в Хэнтэй-Чикойском нагорье – по верхней границе леса и в зарослях кедрового стланика. Однако обнаружить этот вид на Кумыльском гольце не удалось. Можно указать на несколько причин этого. В период размножения сибирская завирушка совершенно перестаёт издавать свою характерную позывку, и если птицы по какой-либо причине не поют или плохо поют (низкая плотность популяции, неблагоприятная погода), обнаружить их почти невозможно. Птицы очень скрытны и предпочитают проводить время в зарослях стланика у земли. В период работы на гольце стояла преимущественно очень холодная и ветреная погода, и многие птицы (если не считать обыкновенной кукушки *Cuculus canorus* и таловкн, которые не снижали своей вокальной активности даже после выпадения снега, когда местность приняла совсем зимний вид) пели очень вяло. Наконец, верхняя граница леса была обследована недостаточно полно.

Итак, обследование данного района позволило получить фаунистическую информацию по крайней мере для 26 видов птиц, причём 9 видов впервые указываются для Хэнтэй-Чикойского нагорья. Всё это свидетельствует не только о недостаточной изученности этого района Забайкалья, но и об интенсивно протекающих процессах расселения, связанных с существенным антропогенным изменением природной среды региона.

Литература

Богородский Ю.В. (1976) 2009. Орнитологические находки в Прибайкалье // *Рус. орнитол. журн.* **18** (511): 1603-1605.

Воробьёв К.А. 1963. *Птицы Якутии*. М.: 1-336.

Гагина Т.Н. 1961. Птицы Юго-Восточного Забайкалья // *Биол. сб. Вост.-Сиб. отд. Геогр. общ-ва СССР и Противочумн. ин-та Сибири и Дальнего Востока*. Иркутск: 179-213.

Гусев О.К. 1965. Новые данные по орнитофауне Прибайкалья // *Орнитология* **7**: 87-91.
Измайлов И.В., Боровицкая Г.К. 1973. *Птицы Юго-Западного Забайкалья*. Владимир: 1-315.
Козлова Е.В. 1930. *Птицы Юго-Западного Забайкалья, Северной Монголии и Центральной Гоби*. Л.: 1-396 (АН СССР. Материалы Комис. по исследованию Монг. и Тувин. Нар. Республик и Бурят-Монг. АССР. Вып. 12).
Козлова Е.В. 1932. *Птицы высокогорного Хангая. По наблюдениям Зоологического отряда Монгольской экспедиции 1929 г*. Л.: 1-92 (АН СССР и Науч.-исслед. ком. Монг. Нар. Республики. Тр. Монг. комис.— Труды Монгольск. комис. № 3).
Корелов М.Н. 1970. Семейство жаворонковые // *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, **3**: 194-285.
Леонтьев А.Н., Павлов Е.И. 1963. Орнитологические наблюдения в долине Чикоя (Читинская обл.) // *Орнитология* **6**: 165-172.
Линдеман Г.В. (1976) 2014. Материалы по орнитофауне лесов Юго-Западного Забайкалья // *Рус. орнитол. журн.* **23** (1066): 3491-3495.
Назаренко А.А. 1971. Летняя орнитофауна высокогорного пояса Южного Сихотэ-Алиня // *Экология и фауна птиц юга Дальнего Востока*. Владивосток: 99-126.
Портенко Л.А. 1960. *Птицы СССР (Воробьиные)*. Ч. 4. М.; Л.: 1-415 (Определители по фауне СССР, изд. Зоол. ин-том АН СССР. Вып. 69).
Сипливинский В.Н. 1975. Высокогорная растительность горы Сохондо (Забайкалье) // *Бот. журн.* **60**, 3: 331-341.
Степанян Л.С., Гусев О.К. 1962. Замечания о систематике горных коньков из области Байкала // *Учён. зап. Моск. пед. ин-та им. В.И.Ленина* **186**: 91-94.
Piechocki R., Bolod A. 1972. Beiträge zur Avifauna der Mongolei. II, Passeriformes // *Mitt. Zool. Mus. Berlin* **48**, 2: 41-175.
Vaurie Ch. 1959. *The Birds of the Palearctic fauna. A Systematic Reference. Order Passeriformes*. London: 1-762.

ISSN 0869-4362
Русский орнитологический журнал 2016, Том 25, Экспресс-выпуск ***1352****: 3973-3974*

Краснозобая казарка *Rufibrenta ruficollis* в Северном Причерноморье

Т.Б.Ардамацкая

*Второе издание. Первая публикация в 1976**

По данным А.А.Браунера (1894), И.К.Пачоского (1911), М.И.Клименко (1950), краснозобая казарка *Rufibrenta ruficollis* – редкий залётный вид Северного Причерноморья, обычная на пролёте в Восточном Приазовье (Алфераки 1910, Костюченко 1928).

С 1950-х годов краснозобая казарка в небольшом числе встречается на северном побережье Чёрного моря во время осеннего пролёта. Самая ранняя встреча осенью отмечена 15 сентября 1901 на Днепре выше Херсона. Обычно же казарки появляются во второй декаде октября.

* Ардамацкая Т.Б. 1976. Краснозобая казарка в Северном Причерноморье // *Тр. Окского заповедника* **13**: 48-49.

Где-то в районе Очакова стайки пересекают Кинбурнский полуостров или идут вдоль него и в начале ноября появляются в северо-западной части Ягорлыцкого залива. В ноябре они отмечаются уже на северном и восточном побережье Тендровского залива.

Стайки краснозобых казарок из 4-8 особей неоднократно отмечались Б.В.Сабиневским в ноябре в районе Египетских островов у Ягорлыцкого полуострова в конце 1950-х – начале 1960-х годов.

Мы наблюдали одиночных птиц или группы из 2-3 особей в декабре 1966-1973 годов на Ягорлыцком полуострове, кормящихся в типчаково-солончаковой степи отрастающими зелёными травами, в основном злаковыми. Это обычное место остановки пролётных казарок, здесь в западной части Ягорлыцкого полуострова расположено пресноводное, заросшее тростником маленькое озеро, по-местному «сага», регулярно посещаемое казарками.

По данным Б.В.Сабиневского, с 1953 по 1963 год небольшие стайки краснозобых казарок встречались в этом районе даже в относительно холодные зимы 1959, 1960 годов. Им было отмечено 2 особи на острове Бакланячий против Египетских островов 17 января 1960.

А.Ф.Назаренко рассматривает краснозобую казарку как вид, спорадически зимующий на Одесском побережье Чёрного моря в небольшом количестве.

В конце 1960-х годов, в суровые зимы 1968, 1969 годов, краснозобая казарка нами не отмечалась, но в нормальные зимы она встречается в конце декабря – середине января.

Весенний пролёт выражен слабо и наблюдается нерегулярно. В Северном Причерноморье краснозобую казарку следует считать малочисленным, но обычным пролётным видом, зимующим в нормальные зимы.

Литература

Алфераки С.М. 1910. Птицы Восточного Приазовья // *Орнитол. вестн.* 1: 11-35.

Браунер А.А. 1894. Заметки о птицах Херсонской губернии // *Зап. Новороссийск. общ-ва естествоиспыт.* **19**, 1: 39-93.

Клименко М.И. 1950. Материалы по фауне птиц района Черноморского государственного заповедника // *Тр. Черноморского заповедника* **1**: 3-52.

Костюченко А. 1928. Залётные птицы государственного заповедника «Обиточенская коса» // *Укр. мисливець та рибалка* 3: 16-18.

Пачоский И.К. 1911. К орнитофауне Херсонской губернии // *Орнитол. вестн.* 3/4: 212-223.

ISSN 0869-4362
Русский орнитологический журнал 2016, Том 25, Экспресс-выпуск ***1352****: 3975-3978*

Восточный воронок *Delichon dasypus* (Bonaparte, 1850) в фауне СССР

Л.С.Степанян, А.А.Васильченко

*Второе издание. Первая публикация в 1980**

Восточный воронок Delichon dasypus был описан в 1850 году (Bonaparte, 1850). Материалом для описания послужили птицы (несомненно зимующие), происходившие с острова Борнео (Калимантан), с которым первоначально и связывался ареал этой формы. Истинное распространение её было неизвестно; лишь позже выяснилось, что оно преимущественно палеарктическое. Распространение формы *dasypus*, понимавшейся большинством авторов в качестве подвида *Delichon urbica*, во всех сводках по авифауне СССР, в палеарктических списках и в региональных сводках по восточным частям Палеарктики связывалось в пределах СССР только с Приморьем, Сахалином и южными Курильскими островами к северу до Урупа (Dementiev 1935; Hartert, Steinbacher 1935; Дементьев 1937; Воробьёв 1954; Мекленбурцев 1954; Портенко 1954; Гизенко 1955; Нечаев 1969; Панов 1973; Vaurie 1959). И лишь в недавнем обзоре птиц СССР (Степанян 1978) распространение этой формы, за которой был признан видовой статуе, указано к западу до хребта Хамар-Дабан и Байкала по материалам А.А.Васильченко (1977). Однако и это значительное изменение представлений о действительном ареале не отражает истинных его границ. Вместе с тем в литературе отмечались некоторые факты, указывающие на то, что распространение *D. dasypus* в пределах СССР существенно иное, чем это считалось и фактически считается до сих пор.

5 августа 1928 в верхнем поясе Западного Саяна (река Каратох) были добыты две птицы, отнесённые к *Delichon urbica cashmeriensis* (Scalon 1933) – гималайской форме, близкой к *dasypus*, а если рассматривать последнюю в качестве самостоятельного вида, то входящей в его состав. Позже названные выше экземпляры были утрачены, проверка определения оказалась невозможной, сам факт такого залёта был подвергнут сомнению, а упомянутая форма исключена из фаунистического списка СССР (Мекленбурцев 1954).

26 июля 1958 в верхнем поясе теперь уже Восточного Саяна ласточки этой формы наблюдались у скал и один экземпляр был здесь добыт. Он также отнесён к *D. u. cashmeriensis*. На основании последней находки высказано предположение о гнездовании *cashmeriensis*

* Степанян Л.С., Васильченко А.А. 1980. Восточный воронок *Delichon dasypus* (Bonaparte, 1850) [Aves, Hirundinidae] в фауне СССР // *Бюл. МОИП.* Отд. биол. **85**, 5: 41-44.

как в Западном, так и в Восточном Саянах и, кроме того, подчёркнуто, что птицы этой формы не смешиваются с обитающей здесь сибирской расой *D. urbica* (Гагина 1960). Предположение о постоянном обитании этих ласточек в Восточном Саяне получило новое подтверждение после добычи здесь в гнездовое время в 1961 году ещё трёх экземпляров (Гагина 1962). Однако конкретных фактов, которые прямо свидетельствовали бы о гнездовании птиц группы *dasypus* где-либо в пределах СССР, кроме Дальнего Востока, по-прежнему не было. И только в 1973-1977 годах такие материалы были получены и частично опубликованы А.А.Васильченко (1977). Они относятся к хребту Хамар-Дабан. Здесь были найдены четыре гнездовые колонии *D. dasypus* и проведены некоторые наблюдения над ними. Эти данные позволяют с большой долей вероятности считать, что находки в Саянах также указывают на гнездование там этой формы. И в Хамар-Дабане, и в Саянах птицы наблюдались в сходных экологических условиях верхнего пояса гор.

Таким образом, гнездовой ареал *D. dasypus* в СССР охватывает, помимо Дальнего Востока, Сахалина и южных Курильских островов, хребты Хамар-Дабан и, почти наверное, Западный и Восточный Саяны. Пределы распространения к западу требуют дальнейшего уточнения.

Несколько слов о таксономическом положении популяций, обитающих на территории СССР. Как было сказано выше, птицы, добытые в Саянах, первоначально были определены как относящиеся к форме *cashmeriensis* (Scalon 1933; Гагина 1960). Позднее по 4 экз. из Восточного Саяна была описана новая раса *scalongei*, отнесённая автором описания (Гагина 1962) к виду *Delichon urbica*.

Ознакомление с типом первоописания (голотип – взрослая самка, 6 июня 1961, юго-запад Иркутской области, окрестности посёлка Алыгджер, хранится в Зоологическом институте АН СССР) показало, однако, что по всем признакам этот экземпляр таксономически идентичен с птицами из Приморья и с Сахалина. О том же свидетельствует оригинальный диагноз *scalongei* (Гагина 1962). Таким образом, все перечисленные птицы, найденные в пределах Советского Союза, относятся к *D. dasypus*. Систематическое положение этой формы, в свете сибирских находок, вырисовывается теперь более определённо. Мнение о видовой самостоятельности *dasypus* (в объёме нескольких рас) было высказано после того, как обнаружилась симпатрия её с *urbica* в западных Гималаях (Бианки 1907; Ticehurst 1927; Stanford, Ticehurst 1938). До недавнего времени оно оспаривалось (Vaurie 1951, 1954). Теперь, когда стали очевидными симпатрия и репродуктивная изоляция *urbica* и *dasypus* и в сибирской части ареала, всякие сомнения в видовой самостоятельности последней должны отпасть.

Экология *D. dasypus* известна мало. Материалы, собранные в Хамар-Дабане в 1973-1977 годах, несколько восполняют этот пробел. Они

сводятся к следующему. В верхнем поясе Хамар-Дабана обследовано четыре колонии. Все они располагались в естественных условиях, вдали от элементов антропогенного ландшафта. Число гнёзд в них составляло 12, 16, 20 и 28. Гнездовые постройки крепились под карнизами скал и были открытого типа. Сверху они не имели строительного материала и защищались нависающими скальными выступами. Этим они существенно отличались от закрытых гнёзд *D. urbica*. Основание гнездовой постройки состоит из земляной массы с примесью сухих травянистых стеблей и хвои. Лоток выстлан сухими стеблями трав и сухой хвоей кедра. Размеры лотка одного гнезда: диаметр 72, глубина 38 мм. Полная кладка из 5 белых непигментированных яиц. Размеры 3 яиц в мм (в скобках вес в г): 18.0×13.0 (1.9); 19.0×13.0 (2.0); 19.3×13.5 (2.3).

У колоний ласточки появлялись во второй декаде июня. К концу июня – началу июля большинство гнёзд содержало полные кладки. В начале августа птицы покидали колонии.

Литература

Бианки В.Л. 1907. *Материалы для авифауны Монголии и Восточного Тибета*. СПб.: I-LVIII, 1-251 (Монголия и Кам. Тр. экспедиции РГО, совершённой в 1899-1901 гг. под рук. П.К.Козлова. Т. 5).

Васильченко А.А. 1977. Птицы альпийского пояса Хамар-Дабана // *7-я Всесоюз. орнитол. конф.: Тез. докл.* Киев, **1**.

Воробьёв К.А. 1954. *Птицы Уссурийского края*. М.: 1-359.

Гагина Т.Н. 1960. Новые данные о распространении птиц в Восточной Сибири // *Орнитология* **3**: 219-225.

Гагина Т.Н. 1962. К систематике городских ласточек Восточной Сибири // *Изв. Вост.-Сиб. отд. Геогр. общ-ва СССР* **60**: 117-119.

Гизенко А.И. 1955. *Птицы Сахалинской области*. М.: 1-328.

Дементьев Г.П. 1937. Воробьиные птицы // *Полный определитель птиц СССР*. М.; Л., **4**: 1-334.

Мекленбурцев Р.Н. 1954. Семейство ласточковые Hirundinidae // *Птицы Советского Союза*. М., **6**: 685-752.

Нечаев В.А. 1969. *Птицы южных Курильских островов*. Л.: 1-246.

Панов Е.Н. 1973. *Птицы Южного Приморья (фауна, биология и поведение)*. Новосибирск: 1-376.

Портенко Л.А. 1960. *Птицы СССР (Воробьиные)*. Ч. 3. М.; Л.: 1-255 (Определители по фауне СССР, изд. Зоол. ин-том АН СССР. Вып. 54).

Степанян Л.С. 1978. *Состав и распределение птиц фауны СССР: Воробьинообразные Passeriformes*. М.: 1-392.

Bonaparte C.L. 1850. *Conspectus generum avium*. T. 1. Brill.

Dementiev G. 1935. Systema avium rossicarum // *L'Oiseau et la Revue frangaise d'ornithologie*. Paris.

Hartert E., Steinbacher F. 1935. *Die Vögel der paläarktischen Fauna*. Ergän-zungsband, H. 4. Friedländer. Berlin.

Scalon W.N. 1933. *Delichon urbica cashmeriensis* (Gould) trouvée en Siberie // *Gerfaut* **23**, 1: 11-14.

Stanford J.K., Ticehurst C.B. 1938. On the birds of Northern Burma // *Ibis* **80**.

Ticehurst C.B. 1927. Some further notes on the second edition of the Fauna of British India – Birds. Vol. 3 // *J. Bombay Nat. Hist. Soc*. **32**, 2: 344-356.

Vaurie C. 1951. Notes on some Asiatic swallows // *Amer. Mus. Novitates* **1529**.
Vaurie C. 1959. *The Birds of the Palearctic Fauna. Passeriformes*. London: 1-762.

ISSN 0869-4362
Русский орнитологический журнал 2016, Том 25, Экспресс-выпуск ***1352****: 3978-3980*

О гнездовании чёрного журавля *Grus monacha* в Буреинском заповеднике

М.Ф.Бисеров, П.С.Захарченко

*Второе издание. Первая публикация в 2011**

В бассейне верхнего течения реки Буреи чёрный журавль *Grus monacha* спорадично гнездится по маревым участкам долины Буреи к северу от посёлка Чекунда (северная оконечность Буреинского водохранилища) до Чегдомына. Отмечен также по некоторым притокам Буреи, протекающим на Верхнебуреинской равнине (долины рек Малый и Большой Иорик, на марях междуречья рек Олгакан и Ниман, прилегающих к посёлку Софийск) (Бисеров 2003). Диапазон абсолютных высот, в пределах которых обитает чёрный журавль, в данном районе составляет 200-850 м над уровнем моря.

В то же время на территории Буреинского заповедника, охватывающей весь бассейн рек Левая и Правая Бурея и примыкающую к ней территорию охранной зоны (бассейн рек Балаганах и Чапхоз), гнездование чёрного журавля не было зарегистрировано. Вид был отмечен лишь однажды – 19 августа 1997 в южной части заповедника близ слияния рек Левая и Правая Бурея (кордон «Стрелка»; 550 м н.у.м.). В этот день была встречена стая из 13 особей, пролетевшая на высоте около 100 м в юго-юго-восточном направлении (Бисеров 2003).

1 августа 2011 на левом берегу реки Правая Бурея, примерно в 1 км выше места слияния с Левой Буреёй, были отмечены птенец чёрного журавля размером несколько меньше взрослой особи и две взрослые птицы. При попытке догнать птенца он отбегал, не предпринимая попыток взлететь. Две взрослые особи с беспокойством прохаживались на противоположном берегу реки.

5 августа 2011 на правом берегу Левой Буреи, примерно в 4-5 км выше слияния её с Правой Буреёй (недалеко от устья реки Чапхоз), был отмечен выводок чёрного журавля, состоящий из двух нелетающих

* Бисеров М.Ф., Захарченко П.С. 2011. О гнездовании чёрного журавля *Grus monacha* (Temminck, 1835) на территории Буреинского заповедника // *Амур. зоол. журн.* **3**, 4: 386-387.

птенцов (такого же размера, как и в предыдущем случае) в сопровождении двух взрослых особей, кружащих над ними в воздухе. Расстояние между точками встреч составляло около 5-6 км, что позволяет предположить принадлежность птиц к разным семьям.

Известно, что насиживание у чёрных журавлей продолжается не более 40 дней (Флинт 1987). Полётные перья у молодых птиц окончательно формируются к 65-75 дню, а способность к полёту появляется на 60-65 дни (Кашенцева, Копнина 1988). Поскольку все встреченные молодые особи не предпринимали попыток взлететь, можно предположить, что возраст их ещё не превысил двух месяцев. Следовательно, к гнездованию чёрные журавли в верховьях Буреи могут приступать в последней декаде апреля – первых числах мая. Этот вывод подтверждается наблюдениями геолога Софийского прииска Е.В.Маркина (устн. сообщ.), который 30 апреля 2008 на ручье Никудышном, впадающем в реку Олгакан (52°18' с.ш.; 133°48' в.д.), наблюдал пару чёрных журавлей. В долинах рек и на маревых пространствах южной части Буреинского заповедника снежный покров к этому времени обычно исчезает.

Таким образом, можно утверждать, что чёрный журавль гнездится на в Буреинском государственном природном заповеднике.

Обе точки встреч чёрных журавлей в заповеднике располагались на высоте 560-580 м н.у.м. Известно, что в центральной части Сихотэ-Алиня чёрные журавли также встречаются до высот около 600 м (Пукинский, Ильинский 1977). В долинах нижнего течения рек Правая и Левая Бурея имеются значительные маревые пространства, пригодные для гнездования чёрных журавлей. Учитывая преимущественную растительноядность чёрного журавля, местообитания низовий Левой и Правой Буреи являются вполне подходящими для гнездования вида, поскольку изобилуют ягодниками (клюква, голубика). Ниже по течению реки долина Буреи сужается, и пригодные местообитания для гнездования чёрного журавля появляются лишь в районе, расположенном ниже впадения в Бурею её притока реки Тастах.

Возможно, чёрный журавль в верхней части бассейна Буреи может гнездиться и на более значительных абсолютных высотах. Так, на прилегающих к заповеднику территориях, в частности в верхнем течении притока Буреи – реки Ниман (близ кордона заповедника «Ниман»; 1000 м н.у.м.), в период 10-15 августа 2011 на пойменных лиственничных марях также были слышны крики журавлей. По сведениям охотников, имеющих в данном районе свои участки, в 2011 году крики журавлей были слышны там в эти же дни на расстоянии 7-8 км ниже по течению Нимана (урочище «Пионер», около 950 м н.у.м.). Скорее всего, крики могли принадлежать именно чёрным журавлям, поскольку другие виды журавлей в исследуемом районе не гнездятся.

Принимая во внимание скрытность поведения чёрных журавлей в период гнездования, а также то, что обширные участки заповедной территории, в том числе и описываемые, весьма труднодоступны и посещаются людьми крайне редко, следует предположить, что чёрный журавль и ранее гнездился в рассматриваемых районах заповедника.

Литература

Бисеров М.Ф. 2003. Птицы Буреинского заповедника и прилегающих районов Хингано-Буреинского нагорья // *Тр. заповедника «Буреинский»* **2**: 56-83.

Кашенцева Т.А., Копнина Е.Н. 1988. Развитие птенцов чёрного журавля – *Grus monacha* Temminck в неволе // *Журавли Палеарктики*. Владивосток: 76-83.

Пукинский Ю.Б., Ильинский И.В. 1977. К биологии и поведению чёрного журавля в период гнездования (Приморский край, бассейн р. Бикин) // *Бюл. МОИП*. Отд. биол. **82**, 1: 5-17.

Флинт В.Е. 1987. Чёрный журавль // *Птицы СССР. Курообразные, журавлеобразные*. Л.: 289-296.

ISSN 0869-4362
Русский орнитологический журнал 2016, Том 25, Экспресс-выпуск ***1352****: 3980-3982*

Биология размножения серого журавля *Grus grus* на Среднем Урале

Е.Н.Суворова, О.А.Сафина

*Второе издание. Первая публикация в 1995**

Сведения по биологии серого журавля *Grus grus* на Среднем Урале отсутствуют. Здесь журавли распространены довольно широко, но всюду редки и гнездятся крайне неравномерно, граница гнездовой части ареала прослежена в Предуралье до 68° с.ш., а в Зауралье – до Полярного круга (Данилов и др. 1959). На основании результатов анкетного опроса местного населения (охотоведов, егерей, лесничих и любителей природы) и собственных наблюдений в Свердловской области выявлены особенности размещения журавлей в период размножения.

Гнездовой ареал серого журавля во многих районах, охваченных хозяйственной деятельностью, имеет пятнистый характер, здесь происходит значительное сокращение заселённых им площадей. Серые журавли – строго территориальные птицы, интенсивно охраняющие гнездовой участок. В связи с этим на большей части региона характерна дисперсность гнездовых участков и расстояние между гнёздами на большей части пригодной для гнездования территории составляло от 3

* Суворова Е.Н., Сафина О.А. 1995. Биология размножения серого журавля на Среднем Урале // *Механизмы поддержание биологического разнообразия: Материалы конф*. Екатеринбург: 145-147.

до 10 км, а на севере области – даже десятки и сотни километров. Но в отдельных местах на крупных и труднодоступных для людей болотах соседние гнёзда иногда могли отстоять на 0.5-1 км.

Наиболее характерное местообитание журавлей в гнездовой период – топкие лесные болота, поросшие мелколесьем, тростником и осокой. К этим угодьям в лесной зоне приурочено 84% всех выявленных гнездовых пар (всего за десятилетний период 1983-1993 учтено 1198 пар). Менее предпочитаемы для гнездования поймы рек (6%), заболоченные луга (5%) и берега лесных водоёмов (до 5%). На севере области журавли в гнездовой период предпочитают верховые сфагновые болота с угнетённым мелким сосняком. Здесь была характерна низкая численность и спорадичное размещение журавлей отдельными парами.

До 80% учтённых гнездовых пар обитало в юго-восточной части области с обширными болотами и значительными площадями сельскохозяйственных угодий. Здесь в Тавдинском, Богдановическом и Каменском районах обычны групповые поселения журавлей, иногда до 100 и более пар. Вблизи населённых пунктов журавли встречаются редко или вообще отсутствуют из-за постоянного беспокойства.

Наблюдения за поведением журавлей в период размножения мы проводили в 1989-1991 годах в Сысертском и Пышменском районах Свердловской области. Всего обследовано 8 гнёзд, а на одном из них с помощью актографа исследован режим инкубации в период плотного насиживания. При расшифровке актограмм изучена плотность насиживания, периодичность смены партнёров, естественные сходы с гнезда, частота перемещения яиц, периоды покоя и другие поведенческие реакции птиц, определена общая продолжительность насиживания кладки.

Гнездо серого журавля представляет собой хорошо утрамбованную округлую площадку, сложенную из стеблей, листьев или тростника, и расположено обычно посреди воды или вблизи неё. Полная кладка в обследованных гнёздах состояла из 2 яиц.

Анализ актограмм, характеризующих период плотного насиживания кладки показал, что суточная плотность насиживания увеличивалась в процессе инкубации яиц от 95% до 100% и составила в среднем 97%. Наиболее плотно журавли насиживали кладку в прохладные дни и перед вылуплением птенцов. Число естественных сходов с гнезда колебалось от 2 до 3, и они были приурочены в основном ко второй половине светлой части суток. Продолжительность сходов уменьшалась в процессе насиживания от 1 ч до 6-24 мин в последние дни инкубации. Смену партнёров отмечали 1-3 раза в сутки. Внутригнездовые движения насиживающие птицы совершали в среднем 267 раз в сутки. До 80% их связано с поворотом и перемещением яиц. Эти движения, чаще движения и перемещение яиц фиксировались в утренние часы, а также

в последний день перед вылуплением птенцов. Период относительного покоя (когда перемещения яиц и движения наседки на гнезде отсутствовали) составлял от 75 мин до 3 ч 50 мин и был приурочен, как правило, к ночному времени. Общая продолжительность насиживания кладки составила 29 дней.

Результативность размножения журавлей выясняли при наблюдениях за птицами в местах формирования осенних предотлётных скоплений, которые образуются из местных гнездовых пар. Особенно низкой она оказалась в густонаселённых районах, где в результате постоянного беспокойства у семейных пар при вылете на поля птенцов не отмечали. В местах с высокой плотностью поселения журавлей на одну пару в образующихся стаях приходилось от 1.2 до 1.8 птенцов. Пары с птенцами составляли до 40-60%, а иногда до 70% птиц в предотлётных стаях. В этот период стаи журавлей встречали на полях (65% всех наблюдений) и болотах. Окончательное формирование предотлётных скоплений происходит с середины сентября. Осенний отлёт отмечался в конце сентября – начале октября.

Основная причина неблагополучного состояния вида – прежде всего мелиорация. Важное значение в период размножения имеет фактор беспокойства, под влиянием которого журавли всё чаще оставляют места постоянного обитания. Браконьерская охота на журавлей ещё недавно была редким явлением, но в последнее время она процветает, особенно в местах формирования осенних скоплений. В области требуется действенная охрана мест обитания журавлей, более жёсткая регламентация их хозяйственного использования.

ISSN 0869-4362
Русский орнитологический журнал 2016, Том 25, Экспресс-выпуск ***1352****: 3982-3983*

Серпоклюв *Ibidorhyncha struthersii* в верховьях Зеравшана

А.А.Кузнецов

*Второе издание. Первая публикация в 1976**

В верховьях Зеравшана от кишлака Дихауз до Зеравшанского ледника серпоклюва *Ibidorhyncha struthersii* я наблюдал в течение двух дней при восхождении на ледник и при возвращении с него 9 и 27 сентября 1955. За эти дни на расстоянии приблизительно 12-15 км встречено 9 особей и 3 из них добыты. Один из этих экземпляров хранится у

* Кузнецов А.А. 1976. Краткие сообщения о серпоклюве // *Тр. Окского заповедника* **13**: 135.

меня, другой – в Московском государственном педагогическом институте им. В.И.Ленина, а третий – в Зоологическом музее Московского государственного университета. Птицы держались на галечнике у реки и были весьма неосторожны, легко подпускали на выстрел. Все добытые серпоклювы находились в последней стадии линьки.

ISSN 0869-4362
Русский орнитологический журнал 2016, Том 25, Экспресс-выпуск ***1352****: 3983-3985*

Встреча сизоворонки *Coracias garrulus* у деревни Дубровы (Новоржевский район Псковской области) в 2016 году

Э.В.Григорьев, А.В.Бардин

Эдуард Вячеславович Григорьев. Новоржевский историко-краеведческий музей. Деревня Дубровы, Новоржевский район, Псковская область, 182457, Россия. E-mail: edik.grigoriev2016@yandex.ru
Александр Васильевич Бардин. SPIN-код: 5608-1832. Кафедра зоологии позвоночных, биологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская набережная, 7/9, Санкт-Петербург, 199034 Россия. E-mail: ornis@mail.ru

Поступила в редакцию 20 сентября 2016

Считают, что сизоворонка *Coracias garrulus* появилась на территории современной Псковской области во второй половине XIX века. Уже в начале XX столетия она стала обычной птицей во многих местностях этого края, в частности, в пределах современных Печорского, Псковского, Порховского, Островского, Куньинского, Себежского районов (Дерюгин 1897; Зарудный 1910; Нестеров, Никандров 1913; Федюшин 1926; Чистовский 1927). К северу этот вид распространился до юго-западных районов Ленинградской области, временами проникая на Карельский перешеек и в южное Приладожье (Мальчевский, Пукинский 1983).

По наблюдениям одного из авторов этой статьи, до начала 1980-х годов сизоворонки были обычными, хотя и немногочисленными птицами Печорского района. С конца 1960-х годов около Печор были известны три места их гнездования в старых дуплах желны *Dryocopus martius* на 4-километровом участке долины реки Пачковки выше деревни Малая Пачковка. Кроме того, сизоворонки гнездились около деревень Выморски, Тайлово, Березнюк, Залесье. Однако с конца 1970-х годов численность этого вида в Печорском районе начала стремительно сокращаться. Судя по литературным данным, именно в 1970-е годы падение численности сизоворонки резко ускорилось и она стала исчезать во многих частях Европы (Tucker, Heath 1994; Маловичко 1999;

Baillie *et al*. 2004; Burfield, van Bommel 2004; Kovacs *et al*. 2008). В окрестностях Печор в последний раз эти птицы наблюдались у гнездового дупла в 1980 году. С тех пор встречать сизоворонок здесь больше не приходилось.

Ещё одно известное место многолетнего гнездования сизоворонки – окрестности деревни Елизарово в 28 км севернее Пскова, где эти птицы гнездились в дуплах старых сосен на берегу Елизаровского озера (Мешков, Урядова 1967, 1970). Здесь сизоворонка регулярно встречалась до начала 1990-годов, позднее её здесь не видели (Тарасов 2014).

В Себежском Поозерье сизоворонка стала редкостью уже в 1970-е годы, а в последний раз её наблюдали в 1984 году (Фетисов и др. 2002).

В настоящее время сизоворонка включена в Красную книгу Псковской области (Урядова 2014), а также в Красные книги сопредельных регионов. С начала 1990-х годов никаких сообщений о нахождении этого вида в Псковской области не появлялось.

В связи с этим особого внимания заслуживает недавняя встреча сизоворонки в Новоржевском районе Псковской области. 10 июля 2016 одиночная птица наблюдалась в урочище Незнаниха в 3 км к западу от деревни Дубровы (56°58.7' с.ш., 29°09.4' в.д.). В середине дня, в самую жару, сизоворонка сидела на проводах ЛЭП посреди обширного поля и охотилась за насекомыми. При приближении наблюдателя она перелетела и вновь уселась на проводах, а при следующей попытке к ней приблизиться – перелетела на край поля и уселась в кроне высокой берёзы. На обратном пути (через 1.5-2 ч) сизоворонку снова видели в том же месте на проводах.

Литература

Дерюгин К.М. 1897. Орнитологические исследования в Псковской губернии // *Труды С.-Петербург. общ-ва естествоиспыт*. Отд. зоол. и физиол. **27**, 3: 17-38.

Зарудный Н.А. (1910) 2003. Птицы Псковской губернии // *Рус. орнитол. журн*. **12** (238): 1083-1092.

Маловичко Л.В. 1999. Современное состояние и причины сокращения численности сизоворонки *Coracias garrulus* // *Рус. орнитол. журн*. **8** (68): 17-23.

Мальчевский А.С., Пукинский Ю.Б. 1983. *Птицы Ленинградской области и сопредельных территорий: История, биология, охрана*. Л., **1**: 1-480.

Мешков М.М., Урядова Л.П. 1967. Материалы по гнездованию птиц в Псковской области // *Итоги орнитологических исследований в Прибалтике: Тр. 5-й Прибалт. орнитол. конф*. Таллин: 66-75.

Мешков М.М., Урядова Л.П. 1970. Материалы по экологии птиц Псковской области // *Материалы 4-й науч. конф. зоологов пед. ин-тов*. Горький: 362-364.

Нестеров П.В., Никандров Я.Н. 1913. Прилёт, пролёт и гнездование птиц в окрестностях г. Пскова // *Ежегодн. Зоол. музея Имп. АН*. **18**, 1: 102-124.

Тарасов В.А. 2014. Заметки о редких птицах водно-болотного угодья «Псковско-Чудская приозёрная низменность» // *Рус. орнитол. журн*. **23** (963): 312-314.

Урядова Л.П.2014. Сизоворонка – *Coracias garrulus* Linnaeus, 1758 // *Красная книга Псковской области*. Псков: 444.

Федюшин А.В. 1926. Материалы к изучению птиц Белоруссии: О птицах Витебщины // *Бюлл. МОИП*. Нов. сер. Отд. биол. **35**, 1/2: 112-168.

Фетисов С.А., Ильинский И.В., Головань В.И., Фёдоров В.А. 2002. *Птицы Себежского Поозерья и национального парка «Себежский»*. СПб., **1**: 1-152.

Чистовский С.М. 1927. *Птицы Псковской губернии. («Каталог птиц Псковского краеведческого естественно-научного музея» и «Промысловая или охотничья дичь Псковской губернии».)* Псков: 1-22.

Baillie J.E.M., Hilton-Taylor C., Stuart S.N. 2004. *2004 IUCN red list of threatened species. A global species assessment*. IUCN, Gland, Switzerland; Cambridge, UK.

Burfield I., van Bommel F. 2004. *Birds in Europe: population estimates, trends and conservation status*. BirdLife International, Cambridge, UK.

Kovacs A., Barov B., Orhun C., Gallo-Orsi U. 2008. *International species action plan for the European roller Coracias garrulus garrulus*. Besenyotelek, Hungary: 1-52.

Tucker G.M., Heath M.F. 1994. *Birds in Europe: Their conservation status*. Birdlife Conservation Series. Cambridge: 1-600.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2016, Том 25, Экспресс-выпуск **1352**: 3985-3990*

О гнездовании балобана *Falco cherrug* на горе Донгалы в рекреационной зоне Дубыгалинского озера (Калбинское нагорье)

Н.Н.Березовиков

Николай Николаевич Березовиков. Отдел орнитологии и герпетологии, Институт зоологии, Министерство образования и науки, проспект Аль-Фараби, 93, Алматы, 050060, Казахстан.
E-mail: berezovikov_n@mail.ru

Поступила в редакцию 7 октября 2016

Балобан *Falco cherrug* – сравнительно редкий гнездящийся вид Калбинского нагорья, расположенного в междуречье Иртыша и Чара в Восточно-Казахстанской области (Корелов 1962; Егоров 1990; Левин, Березовиков 2004; Левин и др. 2004; Стариков 2009). В последнем десятилетии случаи гнездования нескольких пар этого сокола известны в скалах у Монастырских озёр в центральной части нагорья и в горах Дельбегетей по его северо-западной окраине (Смелянский и др. 2006; Акентьева и др. 2014).

В 2015 году выявлена новая точка обитания балобана на горе Донгалы (749 м н.у.м.), возвышающейся в северных предгорьях Калбинского нагорья по левобережью Иртыша. Располагается она у села Гагарино Уланского района в 80 км северо-западнее Усть-Каменогорска по трассе в город Семей (Семипалатинск). У северного подножия этой горы в бессточной впадине находится Дубыгалинское озеро длиной 2.4 и шириной 1.2 км.

Рис. 1. Дубыгалинское озеро. Вид с вершины горы Донгалы от гнезда балобана *Falco cherrug*. Калбинское нагорье. 15 июня 2015. Фото Н.Прыгуна.

Рис. 2. Степное побережье Дубыгалинского озера у подножия горы Донгалы – места охоты балобана *Falco cherrug* за сусликами и птицами. 15 июня 2015. Фото Н.Прыгуна.

Его координаты 50°03'45" с.ш. и 81°47'20" в.д. Высота 344 м над уровнем моря. Озеро окружают степные увалы и сопки с матрацевидными гранитными останцами и скалами с разнообразными ячеистыми

углублениями, образовавшимися в результате выветривания. Сама же гора представляет собой гранитный массив, крутые склоны которого усеяны множеством разрушенных пород в виде обломков и плит. Открытые участки покрыты степным разнотравьем, зарослями спиреи, кизильника и шиповника, в отщелках встречаются отдельные берёзки (рис. 1 и 2).

Рис. 3. Место расположения гнезда балобана *Falco cherrug* на вершине горы Донгалы. 15 июня 2015. Фото Н.Прыгуна.

Находок гнёзд и выводков балобанов в этих местах прежде не было известно (Егоров 1990). За последние 15-20 лет Дубагалы почти не посещались орнитологами по причине того, что озеро и окружающая степь превратились в многолюдную зону отдыха с обедневшей орнитофауной и вероятность нахождения здесь на гнездовании редких видов птиц сведена к минимуму. Ещё в 1960-1980 годах оно использовалось в основном любителями рыбалки и охоты на водоплавающую дичь, а также в качестве пастбищ для совхозного скота. В настоящее время здесь возникла рекреационная зона с большой базой отдыха «Окуньки», пользующейся большой популярностью у жителей Восточно-Казахстанской области. Ежегодно на летний отдых сюда приезжают тысячи людей из городов Семей, Шемонаиха, Усть-Каменогорск, Риддер и Зыряновск. Наряду с купанием на озере многие из них совершают экскурсии в окружающие горы, забираясь в самые малодоступные их уголки и создавая своим присутствием неизбежный фактор беспокойства для

гнездящихся птиц. К тому же, гранитные скалы и утёсы с округлыми нишами выветривания и ниши в останцах имеют слишком сглаженные формы, малопригодные для устройства гнёзд хищными птицами.

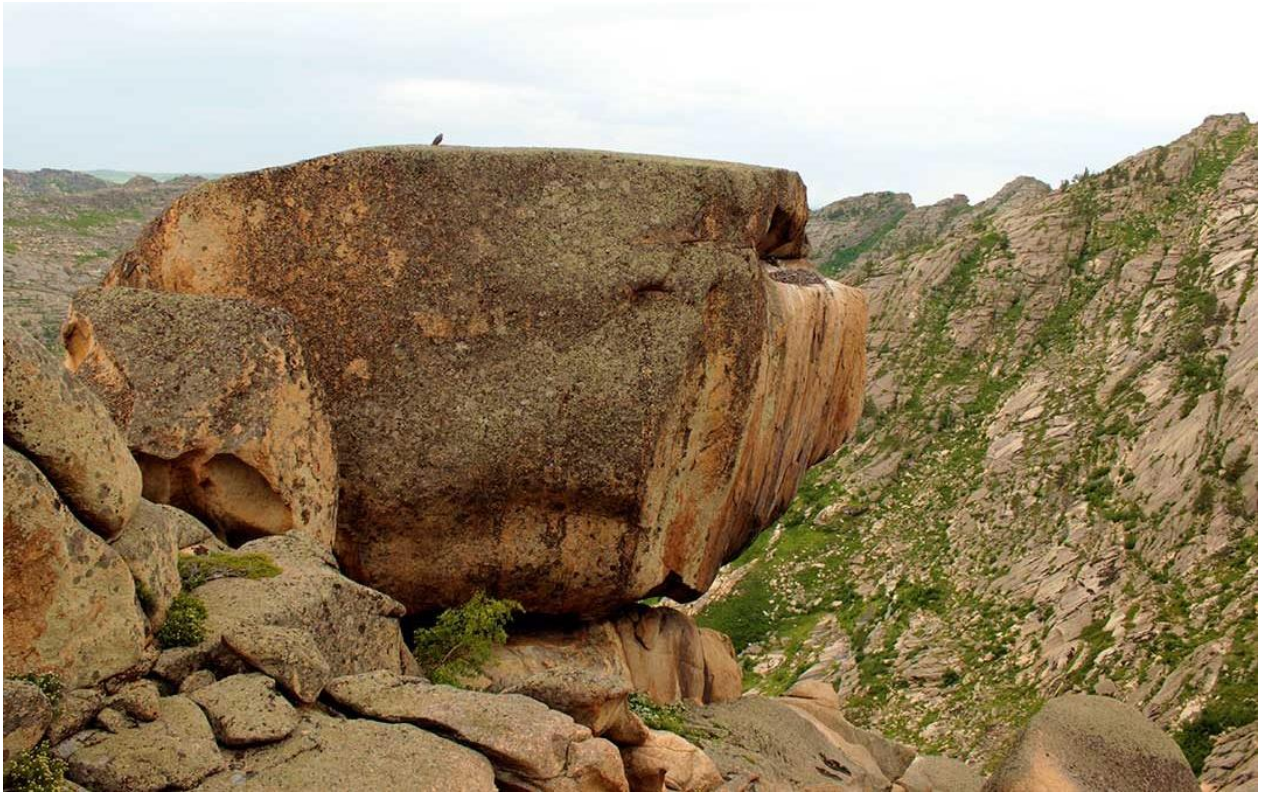

Рис. 4. Гнездо балобана *Falco cherrug* в нише этой же скалы.
Гора Донгалы. 10 июня 2015. Фото Н.Прыгуна.

Рис. 5. Птенец балобана *Falco cherrug* в гнезде. Гора Донгалы. 15 июня 2015. Фото Н.Прыгуна.

Поэтому нахождение здесь гнезда балобана было для нас полной неожиданностью. Устроено оно было в огромном скальном обломке на одной из вершин Донгалы. С его северной стороны на ровном выступе продольной ниши выветривания имеется старая гнездовая постройка из довольно крупных веток, явно принадлежащая орлам, в которой этой весной и загнездились балобаны (рис. 3). Само гнездо было практически недоступно для осмотра без специального снаряжения для скалолазания, но белые потёки помёта по всей скальной стенке делали место его нахождения хорошо заметным даже издалека. Во время осмотра 10 июня 2015 в нём находился один почти оперённый птенец (рис. 4). При попытке фотографирования 15 июня он вылетел и уселся на плоскую вершину этой же скалы (рис. 5 и 6). Остальных птенцов увидеть не удалось. Вероятнее всего, они разлетелись по соседним склонам в результате беспокойства людьми, так как на эту вершину со скалой причудливой формы часто поднимались туристы с целью фотографирования окружающих пейзажей.

Рис. 6. Слёток балобана *Falco cherrug*, вылетевший из гнезда.
Гора Донгалы. 15 июня 2015. Фото Н.Прыгуна.

Случай гнездования балобана в этой местности с повышенными рекреационными нагрузками интересен во многих отношениях. Аналогичный факт успешного размножения пары балобанов был зафиксирован нами в июне 2006 года у Монастырских озёр, где эти соколы поселились на гранитном останце в подобной же зоне отдыха (Смелянский и др. 2006). Гнездились они здесь и в последующие годы. Эти факты свидетельствуют о новых адаптационных возможностях у балобана, который всё чаще начинает поселяться на недоступных скалах или утёсах в многолюдных местах, где имеется достаточно хорошая кормовая база, представленная длиннохвостыми сусликами *Spermophilus undulatus* и многочисленными птицами по берегам озёр. Наличие корма, отсутствие фактов преследования и разорения гнёзд позволяет соколам мириться с частым присутствием человека. Примечательно, что балобаны таких пар отличаются меньшей крикливостью при появлении людей у гнёзд с птенцами и, если люди не предпринимают попыток забраться на гнездовую скалу, могут надолго исчезать из поля зрения.

Выражаю искреннюю признательность Н.Прыгуну (Усть-Каменогорск) за фотографии, предоставленные для этой публикации.

Литература

Акентьева Е.В., Шевченко А.А., Стариков С.В. 2014. Состояние популяций балобана и сапсана на востоке Казахстана в 2014 году // *Региональный компонент в системе экологического образования и воспитания – 2014: материалы науч.-практ. конф.* Усть-Каменогорск: 307-315.

Егоров В.А. 1990. Материалы к фауне хищных птиц Калбинского нагорья (Восточный Казахстан) // *Фауна и экология животных*. Тверь: 53-62.

Корелов М.Н. 1962. Отряд хищные птицы – Falconiformes // *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, **2**: 488-707.

Левин А.С., Березовиков Н.Н. (2004) 2015. Состояние восточно-казахстанской популяции балобана *Falco cherrug* и перспективы её сохранения // *Рус. орнитол. журн.* **24** (1170): 2651-2652.

Левин А.С., Березовиков Н.Н., Анненков Б.П., Шмыгалёв С.С. (2004) 2015. Результаты мониторинга гнездовых популяций сокола-балобана *Falco cherrug* в Казахстане // *Рус. орнитол. журн.* **24** (1193): 3440-3452.

Смелянский И.Э., Барашкова А.Н., Томиленко А.А., Березовиков Н.Н. 2006. Пернатые хищники предгорий Калбинского Алтая, Казахстан // *Пернатые хищники и их охрана* **7**: 46-55.

Стариков С.В. 2009. Класс Птицы // *Редкие и исчезающие виды животных казахстанской части Алтае-Саянского экорегиона*. Усть-Каменогорск: 14-50.